

Poem by Anton Chekhov

Translation into English © Eugene Alper (from *Anton Chekhov: A Brother's Memoir*)

О, поэт заборный в юбке,
Оботри свои ты губки.
Чем стихи тебе писать,
Лучше в куколки играть.

Oh the poetess of the fence,
Baby toys are still your friends.
Quit your scribbling on the walls,
Just stay home and play with dolls.

Poem by Liodor Palmin

(c. 1880, sent to Anton Chekhov with a document)

Translation into English © Eugene Alper (from *Anton Chekhov: A Brother's Memoir*)

Коллега, милый мой Антоша,
Сейчас немножечко устав,
И волосы себе ероша,
По обещаенью шлю устав.
Сейчас Калашникова пиво
Юмористически игриво
В стакане искрится на дне,
И в общем жить не худо мне.
Как мореход на острый риф, мы,
Поэты, лезем всё на рифмы...

My colleague, dearest Antosha,
Just slightly jaded, though no martyr,
My hair ruffled to contortion—
I'm sending you the promised charter.
Seeing Kalashnikov's good ale
Playfully glint and never stale,
I feel the bottom of this grail
Inspires me to up my tail.
Just like the builder needs his lime
We poets hunger for the rhyme...

Poems by Tatiana Kuzovleva

Translation into English © Eugene Alper

Уходит мой поезд в тупик, и захлопнулись двери.
Сигнальная кнопка мигает, на стыках дрожа.
И в гулкой утробе ползущего медленно зверя
Не сыщется жертв, кроме этих – меня и бомжа.

Он зычно храпит, подложив под висок капелюху.
Вагонная лавка ему – что родная кровать.
«Судьба!» - бормочу, и состав отзывается глухо.
И створки дверные мне сил не хватает раззять.

И едем мы с ним неизвестно куда и насколько.
И главное, здесь никому не хватиться меня.
И разве что я не отмечена синей наколкой,
А так – мы попутчики, значит, почти что родня.

Мы едем по миру, где спутаны весны и зимы,
Где сходятся грех, покаянье, молчанье и крик.
Где все мы равны изначально и все заменимы,
И каждый не знает, когда его поезд в тупик.

А поезд ползет, синеватые рельсы утюжа.
И кажется – можно в любую минуту сойти.
Нам были даны при рождении чистые души.
Спит бомж в электричке. Храни его, Боже, в пути.

I've missed the last stop. Now my train, an old serpent's descendant,
Is crawling somewhere remote, a junction unmanned.
Its resonant womb carries two petty victims: myself and
A homeless man that's asleep, just a homeless man.

He peacefully snores on his pillow—a crumpled fedora;
The bench is his welcoming bed and he craves nothing more.
“It's destiny,” murmur I, failing to open the door of
The merciless car, one unyielding mechanical door.

And so we go, not knowing where and how,
For long or for short—yet I know we won't be missed.
With him, we are brothers that share the here and now:
I am just as blue as the wrinkled tattoo on his wrist.

And so we ride through the world where seasons and weather
Are nothing but mixed as our sins are all mixed with remorse;

Where all are akin and replaceable—birds of a feather,
And no one knows when his train's to finish its course.

The train is still rumbling and grumbling and chugging and ringing,
And always, it seems, one can choose to get off and be freed;
My soul and his were pure at the very beginning.
A homeless sleeps on the train. I should wish him Godspeed.

И когда две ласточки взрежут небес полотно,
И поймает дрожанье воздуха стрекоза,
И тяжелый колос в землю сольёт зерно,
И две рыбы замрут в запруде - глаза в глаза;

И в гортани льва провернется утробный рык,
И Земля покачнется, про свой забывая вес,
И два облака встречных сойдутся внахлест и встык,
И глубоким вздохом глухой отзовется лес, -

Вот тогда ты поверишь, что смерть не сильнее нас,
Просто мир на разлуки щедр, а на встречи скуп.
И душа станет легче тела в миллионы раз,
И слова станут легче пуха, слетая с губ.

И строка к строке - обозначат начало дня,
Всё, что было с тобой, подводя под единый свод.
И пока ты смотришь, как кофе бежит с огня
И как пёс-страстотерпец кроссовку твою грызет, -

Мчится скорый поезд, глотая дорожный смог,
Пролетая жизнь и на спусках не тормозя.
И всё то, что каждый из нас удержать не смог,
Ни обнять, ни прижать, ни окликнуть уже нельзя.

only when two swallows rip up the heavenly cloth
and the dragonfly's wings catch up to quivering air
and the ripened ear spills all of its kernels forth
and two fish stop immobile with an unblinking stare

when the lion's gorge growls its rumbling roar
and the planet stumbles despite its enormous size
and two clouds clash settling a booming score
and the forest echoes rise to the turgent skies

only then will you know that we are bigger than death
just on this little globe we part more often than mesh
and your words will be lighter than even the weightless breath
and your spirit will grow lighter than mortal flesh

and as line by line outline the uncharted trip
through a day by day existence to poetry
you will suddenly know watching the faucet drip
and your faithful dog chew your slipper worry-free

that you are in a hastening forward commuter train
passing life itself and many a dear face
you will suddenly know that what you failed to retain
you will not bring back, you will not recall, you will not embrace.